

УДК 343.13

О ГАРМОНИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА РОССИИ И БЕЛАРУСИ В РЕАЛИЗАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ: УВАЖЕНИЕ ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА ЛИЧНОСТИ

А. А. Лукьянова

Барнаульский юридический институт МВД России,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
e-mail: lok_doc@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросам гармонизации уголовно-процессуального права России и Беларуси в реализации международных стандартов. На основе сравнительного анализа отдельных источников международного и внутригосударственного права автором сформулированы выводы, направленные на правовую конвергенцию в вопросах реализации права на уважение чести и достоинства личности.

Ключевые слова: уважение чести и достоинства личности, уголовное судопроизводство, международные стандарты.

Annotation. The article is devoted to the harmonization of criminal procedural law of Russia and Belarus in the implementation of international standards. Based on a comparative analysis of individual sources of international and domestic law, the authors formulate conclusions aimed at legal convergence in the implementation of the right to respect for the honor and dignity of the individual.

Keywords: respect for the honor and dignity of the individual, criminal proceedings, international standards.

К числу основных ценностей демократии, ориентированной на отдельного человека, бесспорно, относятся его права и свободы. Конвенционное закрепление признанных мировым сообществом субъективных прав и отдельных правовых гарантий является основой развития национального правового пространства в сфере защиты личности. В этой связи анализ международных соглашений (договоров), практики имплементации европейских стандартов в нормы внутригосударственного права, изучение опыта деятельности правозащитных органов обладают определяющим значением для гармоничного развития идей правового государства в конкретной национальной правовой системе.

Честь и достоинство личности — важнейшие моральные ценности и основа эволюции человеческой цивилизации. Эти понятия взаимосвязанные, неотъемлемые друг от друга, являются внешним и внутренним отражением человеческого воплощения. Именно по результатам оценки личности социумом и самим собой, соответственно, формируется законный интерес — требовать уважения чести и достоинства.

Правовые идеи уважительного отношения и человеческого обращения неоднократно закреплялись в официальных источниках международного права. Запрет на «пытки или жестокое бесчеловечное или унижающее достоинство обращение и наказание» содержится в ст. 5 Всеобщей декларации прав человека [1]. Аналогичная дефиниция имеется и в Международном пакте о гражданских и политических правах, ст. 7 которого также соотносит с запрещенным обращением «медицинские или научные опыты без свободного согласия лица» [2].

«Право на гуманное обращение и уважение достоинства, присущее человеческой личности» должно гарантироваться каждому, даже при наличии обоснованного подозрения (обвинения) в совершении преступления в отношении такого лица и в случаях законного применения мер государственного принуждения [3]. Сказанное обнаруживает два ключевых аспекта в реализации частного интереса на уважение чести и достоинства в публично-правовой сфере.

Во-первых, остро сегодня стоит вопрос определения пределов усмотрения государства в регламентации прав и свобод личности. Идеи чести и достоинства, воплощенные в общепризнанном праве, в целом не предполагают изъятия какого-либо объема из пределов реализации этого права. Однако, несмотря на то, что каждое государство дополнительно декларирует права и свободы человека (гражданина) в имеющем высшую юридическую силу на ее территории правовом акте, государство же вправе и ограничивать эти признанные права, руководствуясь при этом необходимостью защиты публичного интереса (законного общественного или государственного интереса).

Следует отметить, что Российская Федерация и Республика Беларусь являются тому примером, определяя в своем конституционном законодательстве однозвучные публичные интересы. Оправдывающей ограничение прав и свобод личности ст. 23 Конституции Республики Беларусь называет необходимость защиты «интересов национальной безопасности, общественного порядка, нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц» [4], а ст. 55 Конституции Российской Федерации — необходимость защиты «основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечение обороны страны и безопасности государства» [5].

С позитивной стороны следует отметить акцент российского законодателя на соразмерности правоограничения, а также включение гарантированного ст. 21 Конституции РФ права на охрану достоинства личности в неприкасаемый список благ, которые не подлежат ограничению ни при каких, даже особых, обстоятельствах¹ (ч. 3 ст. 56 Конституции Российской Федерации). Белорусский

¹ В контексте чрезвычайного положения.

законодатель несколько иначе интерпретирует реализацию названного права, объединяя его гарантирование наряду со свободой и неприкосновенностью в единой правовой норме и не указывая это комплексное право в ст. 63 Конституции Республики Беларусь в перечне неотчуждаемых благ¹.

Во-вторых, обращенность международных стандартов реализации права на уважение чести и достоинства непосредственно к государству обуславливает потребность в создании дополнительных гарантий защиты личности в публично-правовой сфере, то есть защиты от самого государства. Самостоятельным ориентиром в формировании системы этих гарантий надлежит назвать Конвенцию о защите прав человека и основных свобод (далее — Европейская конвенция), которая, полагаем, является одним из дискуссионных международных соглашений Российской Федерации, в большинстве своем из-за специфичной практики его применения. Ратификация Россией 30 марта 1998 года Европейской конвенции обязала наше государство привести законодательство в соответствие с европейскими стандартами, признать обязательную юрисдикцию Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ), в частности по всем вопросам, относящимся к толкованию и применению норм Европейской конвенции [6].

Невзирая на то, что Республика Беларусь до настоящего времени не вошла в состав Совета Европы, не ратифицировала Европейскую конвенцию, соответственно, на нее не распространяется юрисдикция ЕСПЧ, немаловажным считаем проанализировать отдельные предписания Европейской конвенции в контексте реализации права на уважение чести и достоинства личности во взаимосвязи с другими элементами системы международного права.

Европейская конвенция в ст. 3 устанавливает правовой запрет пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания. Отметим, что, по мнению ЕСПЧ, обеспечение гарантированного ст. 3 Европейской конвенции права является одной из самых уязвимых сфер российской правовой системы. По итогам 2021 года Российская Федерация вновь оказалась в числе антилидеров государств — ответчиков по делам с выявленными нарушениями ст. 3 Европейской конвенции² [7].

¹ Отметим, что российский законодатель в случаях, предусмотренных ч. 1 ст. 56 Конституции Российской Федерации, тоже допускает установление отдельных ограничений права на свободу и личную неприкосновенность с указанием пределов и срока их действия.

² Только в части бесчеловечного или унижающего достоинство обращения количество выявленных нарушений по делам против Российской Федерации составило 76, то есть 31,7 % от общего числа выявленных ЕСПЧ случаев нарушения ст. 3 Европейской конвенции. За период 1959–2021 гг. этот показатель и вовсе составил 992 случая, то есть 35,5 % от общего числа выявленных ЕСПЧ фактов нарушения ст. 3 Конвенции (в части бесчеловечного или унижающего достоинство обращения), что безоговорочно определило Российскую Федерацию лидером в рейтинговой таблице государств-ответчиков.

Надлежит указать, что дефиниция «пытки» содержится в ст. 1 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (далее — Конвенция против пыток). Под пытками понимается любое действие, которым умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное [8]. Именно умысел, цель (запугивание и принуждение), специальный субъект (государственное должностное лицо) и еще ряд критериев, согласно международным стандартам, используются в оценке ситуации на предмет пыток. При этом в тексте названного нормативного правового акта дифференциация пыток и обращения (жестокого, бесчеловечного и унижающего достоинство) происходит от противного, а именно: перечисленные виды запрещенного обращения не подпадают под определение «пытки» (ст. 16 Конвенции против пыток) [8]. Любопытно, что Декларация о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, которая стала основой Конвенции против пыток, квалифицирует пытки и уже названные виды запрещенного обращения в качестве однородных: «Пытки представляют собой усугубленный и преднамеренный вид жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания [9]».

Судебная практика также уделяет пристальное внимание проблемам толкования признаков, характеризующих пытки, как международного преступления, так и характеризующих пограничные с пытками виды запрещенного обращения. Основываясь на практике ЕСПЧ, Верховный Суд Российской Федерации определяет как бесчеловечное обращение, случаи, «как правило, преднамеренного характера, имеющие место на протяжении нескольких часов или когда в результате такого обращения человеку причинены реальный физический вред либо глубокие физические или психические страдания» [10]. В качестве унижающего достоинство обращения расценивается такое обращение, которое «вызывает у лица чувство страха, тревоги и собственной неполноценности» [10].

При кажущейся последовательности суждений в определении запрещенных ст. 3 Европейской конвенции действий следует обратить внимание на незначительный, на первый взгляд, дисбаланс формулировок. Если в ст. 3 Европейской Конвенции содержится лишь запрет на пытки, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание, то в ст. 1 Конвенции против пыток имеется исключение из определения «пытки»: «...боль или страдания, которые возникают лишь в результате законных санкций, неотделимы от этих санкций или вызываются ими случайно» [8]. Несомненно, непреднамеренный характер действий, а также их формальная законность могут учитываться при формировании суждения об отсутствии пыток в конкретном эпизоде.

Однако ключевым, полагаем, должен быть вывод о том, что даже регламентированные внутригосударственным правом принудительные механизмы с учетом особенностей их применения могут обладать существенными признаками как пыток, так и иных видов обращения, запрещенного стандартами международного права.

В этой связи логичным считаем обратиться к нормам, являющимся основой уголовно-процессуальной формы указанных принудительных механизмов и регламентирующим их общие правила. Одним из принципов российского уголовного судопроизводства, в котором конкретизированы конституционные императивы, является регламентированный ст. 9 Уголовно-процессуального кодекса (далее — УПК) Российской Федерации принцип уважения чести и достоинства личности [11]. Интересно, что российский законодатель сначала разделяет правовые запреты: ч. 1 ст. 8 УПК Российской Федерации установлен запрет на осуществление действий и принятие решений, унижающих честь участников уголовного судопроизводства, и запрет на обращение, унижающее человеческое достоинство либо создающее опасность для жизни и здоровья. Затем, следуя международным стандартам, законодатель в ч. 2 ст. 8 УПК Российской Федерации обобщает данный концепт однозначным запретом насилия, пыток, другого жестокого или унижающего человеческого достоинство обращения в отношении участников уголовного судопроизводства. Эта позиция находит последовательное развитие в общих правилах производства следственных действий (ч. 4 ст. 164 УПК Российской Федерации), где, помимо насилия, создания опасности для жизни и здоровья, говорится о недопустимости применения угроз и иных незаконных мер.

Отметим, что действующее российское законодательство, регулирующее действие принципа уважения чести и достоинства личности в уголовном процессе, нельзя признать безукоризненным. Автором данных строк ранее на страницах юридической печати уже формулировался вывод о необходимости максимального признания автономии личности и создания достаточных гарантий реализации принципа уважения чести и достоинства личности в уголовном судопроизводстве [12].

Уголовно-процессуальное законодательство Беларуси в его основном законе конкретизирует конституционное предписание об охране достоинства личности одновременно в двух принципах, что обусловлено комплексной интерпретацией гарантированного ст. 21 Конституции Республики Беларусь права. Запрет насилия, другого жестокого или унижающего человеческого достоинство обращения установлен в ст. 11 УПК Республики Беларусь (неприкосновенность личности), а в ст. 12 данного кодекса содержится запрет действий и решений, унижающих честь и умаляющих достоинство либо создающих

опасность для жизни и здоровья участников уголовного процесса, при производстве по материалам и уголовному делу (уважение чести и достоинства личности) [13].

Таким образом, результаты проведенного исследования позволяют сформулировать следующие выводы:

- ограничение прав личности в публично-правовой сфере, в частности при осуществлении уголовного судопроизводства, должно происходить соразмерно, в пределах, необходимых для защиты публичного интереса;
- право на уважение чести и достоинства личности относится к числу неотчуждаемых нематериальных благ, его ограничение (независимо от соразмерности публичного интереса) противоречит существующим международным стандартам;
- государственная деятельность в публично-правовой сфере, которой является и уголовно-процессуальная деятельность, должна исключать жестокое, бесчеловечное и унижающее достоинство личности обращение, а также пытки как усугубленный и преднамеренный вид такого обращения;
- реализация международных стандартов осуществления уголовного судопроизводства способствует гармонизации права России и Беларуси, которая должна происходить с учетом особенностей их национальных правовых традиций.

1. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс] : принята Генер. Ассамблеей ООН 10 дек. 1948 г. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс». [Вернуться к статье](#)

2. Международный пакт о гражданских и политических правах [Электронный ресурс] : принята резолюцией 220 (XXI) Генер. Ассамблеи ООН 16 дек. 1966 г. URL: <https://base.garant.ru/2540295/> (дата обращения: 01.02.2022). [Перейти к источнику](#)
[Вернуться к статье](#)

3. Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме [Электронный ресурс] : принят резолюцией 43/173 Генер. Ассамблеи ООН 9 дек. 1988 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/detent.shtml (дата обращения: 01.02.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

4. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (дата обращения: 01.02.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

5. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : офиц. текст. URL: <http://www.constitution.ru/> (дата обращения: 01.02.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

6. Лукьянова А. А. Проблемы реализации права на свободу и личную неприкосновенность в уголовном процессе: правовые позиции ЕСПЧ // Алтайс. юрид. вестн. 2020. № 4(32). С. 139–143. [Вернуться к статье](#)
7. European Court of Human Rights [Electronic resource]. URL: <http://www.echr.coe.int/> (дата обращения: 01.02.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
8. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания [Электронный ресурс] : принята резолюцией 39/46 Генер. Ассамблеи ООН 10 дек. 1984 г. URL: <https://base.garant.ru/1305395/> (дата обращения: 01.02.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
9. Декларация о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания [Электронный ресурс] : принята резолюцией 3452 (XXX) Генер. Ассамблеи ООН 9 дек. 1975 г. URL: <https://base.garant.ru/12123843/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (дата обращения: 01.02.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
10. О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 10 окт. 2003 г. № 5. URL: <https://base.garant.ru/12132854/> (дата обращения: 01.02.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18 дек. 2001 г., № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федер. 5 дек. 2001 г. : в ред. от 01.07.2021 г. URL: <https://base.garant.ru/12125178/> (дата обращения: 01.02.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)
12. Лукьянова А. А. Принудительные следственные действия: к проблеме реализации принципа уважения чести и достоинства // Тенденции развития современного уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации : сб. науч. тр. / под ред. Н. С. Расуловой. Екатеринбург : Урал. юрид. ин-т МВД России. 2021. С. 70–74. [Вернуться к статье](#)
13. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. URL: https://kodeksy-by.com/ugolovno-protsessualnyj_kodeks_rb.htm (дата обращения: 01.02.2022). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)